

Елена Арсеньева

Имя свое (Правительница Софья Алексеевна)

Часть сборника
Царица любит не шутя
(сборник)

Царица любит не шутя

Елена Арсеньева

**Имя свое (Правительница
Софья Алексеевна)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Имя свое (Правительница Софья Алексеевна) /

Е. А. Арсеньева — «Автор», — (Царица любит не шутя)

ISBN 5-699-07728-6

«Сильвестр Медведев, в прошлом подъячий приказа Тайных дел, а с некоторых пор – начальный человек Печатного двора и монах Заиконоспасского монастыря, приближенный к царскому двору за превеликую свою ученость, сидел, опираясь локтями и спиной на сеном набитую подушку, задрав ноги на перекладину звонницы, закинув голову, подставив голые пятки солнышку. Ряса его была поднята, поэтому солнечные лучи скользили и по телу – поджарому телу монаха... поджарому, но отнюдь не тощему, не изможденному, довольно-таки гладкому и мускулистому, не хранившему никаких следов бичеваний и прочих усмирений плоти. И что касается оной плоти, то она тоже оказалась на виду, и это была плоть как плоть – зрелая, дерзкая и вполне готовая к скорому и скоромному употреблению...»

ISBN 5-699-07728-6

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Елена Арсеньева

Имя свое

(Правительница Софья Алексеевна)

Сильвестр Медведев, в прошлом подъячий приказа Тайных дел, а с некоторых пор – начальный человек Печатного двора и монах Заиконоспасского монастыря, приближенный к царскому двору за превеликую свою ученость, сидел, опираясь локтями и спиной на сеном набитую подушку, задрав ноги на перекладину звонницы, закинув голову, подставив голые пятки солнышку. Ряса его была поднята, поэтому солнечные лучи скользили и по телу – поджарому телу монаха... поджарому, но отнюдь не тощему, не изможденному, довольно-таки гладкому и мускулистому, не хранившему никаких следов бичеваний и прочих усмирений плоти. И что касается оной плоти, то она тоже оказалась на виду, и это была плоть как плоть – зрелая, дерзкая и вполне готовая к скорому и скоромному употреблению.

– Прикройся, нехристь! – с блудливой усмешкой, неловко выговаривая русские слова, сказал тощий рыжий монах, который, придерживаясь за нагретый бок огромного колокола, переминался на широких перилах звонницы, поглядывая то на небеса, то на растелешенного Сильвестра.

– Сам ты нехристь, Митька! – беззлобно огрызнулся тот. – Я вон лежу да лежу, наслаждаюсь благолепием Божьего дня, а ты чего делаешь, латинская твоя душа? Вместо того чтобы врачевать болезные очи царя Ивана Алексеевича, вместо того чтобы грыжи заговаривать, как подобает лекарю, ты зришь светило небесное, словно нецый-облакопрогонник¹, дабы дать ответы на вопросы, кои высокой веры Христовой никаким боком не касаемы. Да и врачевания – тож!

– С больной главы на здоровую, – хмыкнул Митька Силин, который и впрямь был лекарем, выписанным из Польши за царскую надобностью. Однако по рождению он был чистокровный русак, насилью переkreщенный в латинскую веру, которую, впрочем, считал делом нестоящим. Именно поэтому он так легко сошелся с монахом Сильвестром Медведевым, который, в свою очередь, не был особенно истов в православии. Вообще он ни в чем не был истов, кроме книжничества на древних языках, сплетения словес в стихи, а также болтовни с правительницей Софьей Алексеевной, с которой его связывали дружеские и доверительные отношения. Хорошо зная нового приятеля своего, Митька сказал бы, что отношения сии были не только дружескими, но он уже давно приучился говорить лишь то, чего от него ждали. На том, между прочим, и зиждился успех его как непревзойденного гадателя и знахаря.

– Ну, глаголь, сыне, глаголь! – нетерпеливо понукал меж тем Сильвестр. – Глаголь, чего ты там, на солнце-то, зришь? Будет ли князь Василий Васильевич на Москве царем? А я – патриархом?

Митька до рези в глазах всмотрелся в огненнокипящий шар, подвешенный промыслом Божиим посреди синих-пресиних небес, и медленно выговорил:

– Зрю князя Василия Васильевича Голицына. У него на голове венца нет, а мотается сей венец то по груди, то по спине.

Сильвестр тихо хрюкнул, сдерживая непочтительный и неуместный смех, и сдавленным голосом спросил:

– А еще чего зришь? Меня? Государыню-царевну? Федора Леонтьевича?

– Ни тебя, ни государыни-царевны не вижу, – после недолгого молчания признался Митька Силин. – Зрю великих государей, Ивана да Петра. У них на головах венцы, как и поло-

¹ Нецый – язычник, суевер; Сильвестр имеет в виду языческих древнеславянских волхвов, которые растолковывали ход светил и погодные явления.

жено быть. А Федор Леонтьевич повеся голову стоит, и это значит, что ждет его кручина великая, а то и погибель.

Сильвестр нахмурился. Венцы на головах великих государей Ивана да Петра неколебимы... Это плохо! Еще хуже – про кручину и погибель Федора Леонтьевича Шакловитого. Нынешний глава Стрелецкого приказа был близким другом Сильвестра Медведева. Именно Сильвестр некогда взял безродного ярыжку, дьяка площадного² в приказ Тайных дел, заметив в юнце быстрый ум, отличное умение читать да писать, а главное – редкостные способности к витийству и словесному крючкотворству. С тех пор Федька пошел далеко-о... В ложнице у правительницы Софьи Алексеевны Шакловитый царствует единовластно – особенно теперь, когда прежний галант, князь Василий Васильевич Голицын, отправился в Крымский поход. Ему же, Сильвестру Медведеву, который был первым возлюбленным правительницы, когда она была еще пылкой, шальной, неосторожной девятнадцатилетней царевной, и снисходительно покровительствовал худородному Федьке Шакловитому, ныне достаются лишь объедки лакомых блюд государынинных ласк и почестей... Sic transit gloria mundi, что означает: «Так проходит мирская слава». А впрочем, Сильвестру и остатков вполне довольно. Вот откроет царевна, как обещала, на Москве Славяно-греко-латинскую академию, поставит ее главой своего верного слугу и раба Божьего Медведева – и можно считать, что не зря прожит век.

Тут Сильвестр заметил, что Митька примеряется соскочить с перил звонницы, – и погрозил кулаком:

– Эй, сыне, сыне! Куда наострился? Поговори-ка еще немножечко с красным солнышком! Вопросы его, будет ли князю Василию счастье в походе против крымских татар или нет?

Силин пожал плечами:

– Да я тебе и без солнца скажу.

– Э, нет! – перебил Сильвестр. – Молись и солнышко вопрошай!

– Боже мой премилостивый, – послушно забормотал Митька Силин, – Мати Божия Богородица, и Троица Живоначальная, и Михайло Архангел, и вся сила небесная, явите мне, что я задумал: над князьем Василием Голицыным что будет – будет ли ему какое добро или нет?

Спустя минуту молчания и пристального разглядывания слепящих лучей Митька покачнулся, проворно соскочил на щелястый пол звонницы и, жмурясь (из-под усталых век текли слезы), объявил:

– В солнце значится, что князю Василию в том походе счастья никакого не будет, он только зря государскую казну истратит и людей изомнет...

Сильвестр кивнул. Да уж, Митька прав: любому здравомыслящему человеку сие ясно было еще до начала похода. Однако правительница проявила здесь чисто женское, проще сказать – совершенно бабье упрямство. Ведь Голицын еще при прежнем царе, Федоре Алексеевиче, водил войска против крымцев, но никогда не достигал успеха. Однако до сих пор, несмотря на тревожные вести из сухой, безводной степи, Софья намерена окружить своего признанного фаворита ореолом победоносца и прибегает ко всем мыслимым и немыслимым средствам, чтобы внушить ему веру в победу. Сильвестр, по старой памяти и по праву доверенного друга, не далее как вчера измышлял от Софьиного имени очередную любовную грамотку князю Голицыну. Велено было написать подушевнее, понежней, но в то же время попроще, дабы Василию Васильевичу там, в далекой крымской степи, и в голову взбрести не могло, что каждое слово сих сердечных излияний принадлежит не влюбленной царевне, а хитроумному монаху-звездовидцу (Сильвестр, в отличие от Митьки Силина, баловался исключительно общением с ночными светилами).

Ну, Сильвестр надежд царевны не обманул и постарался на славу!

² Низший разряд дьяческого сословия: ярыжки на площадях за самую незначительную плату писали прошения и челобитные, а также частные письма бедному безграмотному люду.

«Свет мой, братец Васенька, здравствуй, батюшка мой, на многие лета, – писал он, старательно воображая себя влюбленной женщиной («братец Васенька» – это была единственная издевка, которую он себе позволил, дальше все пошло чин-чинарем!). – Мне, свет мой, веры не имеется, что ты ко мне возвратишься. Тогда веру заимею, как увижу в объятиях своих тебя, света моего. Велик бы мне день тот был, когда ты, душа моя, ко мне будешь. Если бы мне возможно было, я бы единым днем тебя поставила пред собою. Письма твои, вручены Богу, к нам все дошли в целости. Я брела пеша из Воздвиженского, только подхожу к монастырю Сергия Чудотворца, к самым Святым воротам, а от вас отписки о боях: я не помню, как взошла, читала идучи; не ведаю, чем его, света, благодарить и Матерь его, Пресвятую Богородицу, и преподобного Сергия Чудотворца, Милостивого... Бог, свет мой, ведает, как же я желаю тебя, душа моя, видеть...»

Сильвестр едва не рыдал от умиления над сим посланием и знал, что и чувствительный князь Василий непременно рыдать станет. Особенную остроту каждому слову писульки придавало то, что он доподлинно знал: в эти минуты царевна в своей ложнице ласкается с Федором Шакловитым, без коего она последнее время уже просто-таки жить не могла – то и дело посылала за ним в Стрелецкий приказ, главою которого Федор теперь стал, и зазывала в постель, мешая день с ночью.

В свое время, впрочем, она точно так же не могла жить без князя Василия Голицына, и без него, Сильвестра, и без каждого из этих ее новиков, которых она в разное время приближала к себе, любила с ними до взаимного умопомрачения, а затем меняла на других.

К слову сказать, новики, сыновья-недоросли родовитых бояр или дворян, велись при дворе еще при царе Алексее Михайловиче. В чужестранных землях они зовутся пажами, но слово «новик» обозначало еще и новичка – что в жизни, что в придворном обиходе. Новики (все как один молодые и пригожие юнцы) служили во внутренних покоях царских, присматривались к служению высших придворных, стряпчих, стольников или постельничих. Разумеется, в былые времена никому и в голову не всходило заманивать юнцов в царевнины ложницы: Алексей Михайлович держал семью в строгости. Это уж после его смерти смешалось что-то в королевстве Русском, подумал Сильвестр, без зазрения совести присваивая и перевирая слова некоего англичанина, как его там... Стоило девкам-царевнам остаться без пригляду, как новики пошли в открытое употребление, а с ними – и молоденькие певчие из черкесов, малороссов либо поляков. Точно так же тешили плоть и сестры Софьи, царевны Марфа, Катерина да Мария, но все же им было далеко до правительницы...

Нет, Сильвестр никого из них не судил, Боже спаси и сохрани! Он и сам отродясь не хранил верности святым обетам – разве может требовать сего от кого-то другого, тем более – от женщин, от девиц, обреченных волею рока на медленное, унылое умирание в тоске теремной? Ох уж невеселая это участь – родиться русской царевной! Он слышал, будто царевны иноземные, зовомые королевнами, как-то умудряются свою судьбу устроить. То есть, конечно, это отцы их, короли, заботятся, чтоб дочки не отцветали пустоцветами. Но им, чужестранцам, проще, размышлял Сильвестр. Ведь молодые королевичи в тех краях все как на подбор латинской веры, то есть религия не стоит преградою на пути бракосочетаний между правителями разноплеменных и разноразных европейских государств. Французская королевна, к примеру, вполне может выйти за англичанина, или немца, или вовсе испанца какого-нибудь – и ничем не погрешит супротив веры своих отцов и их латинского Бога. А у нас, в России? Свята вера православная, да вот какая беда: мало стран, где ее исповедуют. Россия окружена сонмищем земель латинских либо лютерских, а правила государей суровы: нипочем не должна русская девица веру свою менять ради замужества с иноземцем! Однако для них, чужестранных царевичей и королевичей, переход в православие ставился всенепременным условием.

Сильвестру это казалось порядочной дичью и несправедливостью. Ведь сказано святыми словами Божьими: остави отца и мать своих и дом свой и прилепись к мужу своему! Именно

дело жены – переходить в мужнину веру, а не наоборот. Сильвестр был сведущ в науке, называемой гиштория, а потому знал и о Елене Ивановне, дочери великого князя Ивана III, выданной за литовского короля Александра и снискавшей несчастье себе и своему мужу единственно из-за требований отца ни в коем случае не менять веру; знал он и о Ксении Годуновой, страдалнице не столь уж давних времен, в женихи коей доставались лишь какие-то распущенные либо хилые отростки иноземных древ, ибо лишь они согласны были на переход в православие.

Да зачем заглядывать ради примеров в дальние времена? Все во дворце знали печальную историю царевны Ирины, сестры покойного Алексея Михайловича и тетушки нынешней правительницы Софьи. Михаил Федорович, отец ее, ради усиления связей России с иным миром решил выдать ее замуж за иностранного царевича. В это время в России оказался Вальдемар, сын датского короля Христиана IV и его морганатической супруги графини Монк. Он понравился царю, и скоро в Данию отправились послы с предложением женить Вальдемара на Ирине. Михаил Федорович обещал дать ему свободу выбора веры, но обещание это оказалось лишь приманкой. Стоило королевичу со свитой водвориться в Кремле, как патриарх Иосиф приступил к нему с требованиями перейти в православие. Вальдемар противился всеми силами, несмотря на расписываемые ему достоинства и прелести царевны Ирины. Он готов был расторгнуть соглашение и вернуться домой – его не отпускали. Только внезапная смерть Михаила Федоровича спасла его... и лишила Ирину возможности выйти замуж. Так она по сию пору и пребывает старой девой, затворницей в своем тереме (сестры Алексея Михайловича вели себя куда более строго, чем его дочери!).

Самой большой дурью во всей этой дурацкой и печальной истории казалось Сильвестру то, что Вальдемар *так ни разу и не увидел своей невесты!* Ну да, это ж с ума сойти: позволить *чуждому* мужчине увидеть царевну! Только после свадьбы. Только взойдя к ней на ложе! А может, там окажется чудище-каркодил, о коем повествуют книги «Изумруд» или «Пчела»?³ Между тем царевна Ирина на чудище-каркодила нисколько не походила – она была просто-таки красавица, и, может статься, погляди на нее королевич Вальдемар, все могло бы сложиться иначе...

Да, пытай не пытай светила небесные, днем ли, ночью ли, а все равно никогда не угадаешь, как все в жизни сложится, подумал Сильвестр, который был порядочным философом и фаталистом. Вот не помер бы в одночасье государь Алексей Михайлович, не оставил бы он после себя непутевого, нездорового, неумного сына Федора, который никоим образом не мог быть строгим оком царству своему и за коим самим был нужен глаз да глаз, – может статься, и судьба Софьи сложилась бы иначе...

Недолгое свое царствование Федор Алексеевич (только шесть лет пробыл он на престоле) почти все провел в постели. Воссевший на престол пятнадцатилетний юноша, более напоминающий слабого мальчика, беспрестанно цеплялся за руку своего воспитателя Симеона Полоцкого. Полоцкий был также и учителем Сильвестра Медведева – благодаря этому знакомству Сильвестр и попал во дворец. Могучий духом и телом наставник, чудилось, вселял в своего воспитанника новые жизненные силы, а его причудливый взгляд на мир безмерно веселил и ободрял Федора. Симеон представлял себе мир в виде книги, а составные части этого мира – как листами этой книги, строками, словами, литерами:

Мир сей преукрашенный – книга есть велика,
кою словом написал всяческих владыка.
Пять листов препространных в ней ся обретают
и чудные письма в себе заключают.
Первый лист есть небо, на нем же – светила,

³ Образцы византийской литературы, переводившейся на Руси.

Их, словно письмена, Божия крепость положила.
Вторый лист – огонь стихийный под небом высоко,
в нем сего писания силу да зрит око.
Третий лист преширокий аер⁴ мощный звати,
на нем дождь, снег, облаки и птицы читати.
Четвертый лист – сонм водный в ней ся обретает,
в том животных множество обитает.
Последний лист есть земля с древеси, с травами,
с птицами и с животными, словно с письменами...

Когда в палатах государевых гремел мощный глас Симеона Полоцкого, Федор оживал, Сильвестр трепетал от восторга, а ближние царевы бояре испуганно взирали из-под своих тафей⁵ на разошедшегося архиерея, чая одного: оказаться от него как можно дальше. И только царевна Софья желала быть к Симеону как можно ближе. Она, словно растение, лишенное воды, впитывала каждое его слово, восхищалась причудливостью его словес, так отличающихся от привычных, коими изъяснялся дворец, замирала от остроты его мыслей. И ей совершенно наплевать было на то, какими глазами глядят на нее бояре, приверженцы теремных нравов. Девятнадцатилетняя девица, которой место за пяльцами, явилась в общество мужчин, среди которых есть и неженатые, сидит с ними... И ладно бы молчала – осмеливается слово поперек молвить... Да еще и не одно! Стрекошет, что сорока, – и не уймешь ее!

Между прочим, Сильвестр знал, что Софья – великая мастерица вышивать. Ковер ее работы лежал в покоях покойного царя, который восхищался искусством дочери. А что касается ее «сорочьего стрекота», то ни одного слова не было ею молвлено зря – каждое изобличало глубокий, самостоятельный ум и не просто жажду знаний – ненасытимую алчность их.

Когда Сильвестр смотрел на Софью, ему чудилось, он зрит воочию одно из величайших чудес Творца: сухое семечко падает в землю и, питаемое ее соками и живительной влагой, стекаемой с небес, превращается в росток, а затем, постепенно, – в стройное яблоневое дерево, покрытое зеленой листвою и нежными бело-розовыми цветами. Но, воображая царевну цветущей яблоней, Сильвестр думал не только о пробуждении ее ума, – он думал и о расцвете ее красоты...

Бывавшие при дворе и видевшие Софью иноземцы косоротились: неуклюжа, толста – поперек себя шире, шея-де не длинна... Но так ведь только гусыне нужна длинная шея! А у девицы она должна быть бела, и нежна, и гладка, и полна. Именно такой шеей, белой и душистой, обладала Софья. У них, у иноземцев, все в башке перекорежено, глаза наперекосяк поставлены, мозги набекрень. Что и говорить – ребра у Софьи на чужестранный манер не торчали, она со всех сторон была гладка и округла, словно... словно зимородок, разноцветный, сероглазый зимородок, который сидит на веточке и вертит головой, дивясь чудесам Божьего мира. Этого зимородка хотелось взять в ладони и осторожно подышать на его теплую головушку, словно на голову ребенка. Однако Сильвестр недолго заблуждался, считая Софью ребенком. А впрочем, в ней жило детское любопытство к жизни, ей все нужно было узнать, и точно так же, как основы древних языков, она захотела узнать основы древнего искусства любви.

Софья оказалась страстной, неумной, горячей, порывистой, ненасытной. Шальная девка, а не царевна-затворница! В общем-то, это можно было предположить, увидев, с каким выражением лица она слушала излияния Эсфири в пиеесе, разыгрываемой на дворцовом театре (Алексей Михайлович театральные представления зело любил, он и приохотил дворцовое

⁴ То есть воздух.

⁵ Тафья – высокая боярская шапка из дорогого меха.

общество к сей чужой забаве). Слова любви, сказанные прежде, сказанные людьми иными, чужими и чуждыми, словно бы проникали в душу Софьи – и мгновенно становились ее собственными словами и мыслями:

Одна лежу отныне я на вдовьем одре,
И сколько б ночь ни длилась, обрести не в силах
Покоя, услаждения и счастья – без любви!

Верно говорят: клубок не делает монаха. Сильвестр монахом был только по наименованию, а в глубине души он всегда оставался тем же Семкой-Семеном, юнцом, который как первый раз отведал женской сласти, так и понял, что от этого хмеля он вовек не откажется. Он переимел великое множество баб и девок и кое-что понимал в женской природе и породе, а потому почти сразу, после двух или трех ночей, проведенных в Софьиной постели, понял: сей нежный зимородок спорхнет с его ладони в самое скорое время, и спелое яблочко ее женской красоты, ума и прелести вызреет не про него, многогрешного. Ибо Софье нужен был кто-то, кто превосходил бы ее не только числом прочитанных книг, как Сильвестр. Она ведь и сама прочла сих книг немало и даже была искусна в сложении словес, писала пиесы о святых Екатерине и Пульхерии для домашних театров... Ей нужен был не монах беспутный, с равным удовольствием готовый подобрать полы рясы, чтобы нажаривать первую попавшуюся бабу, или, приложив руку ко лбу, изречь что-нибудь по-латыни либо по-гречески, по-польски либо по-немецки. Ей нужен был человек, которым она могла бы восхищаться, – достойный ее по происхождению, по уму, схожий с ней по взглядам на мир. И могущий впоследствии разделить с нею власть над этим миром...

Сильвестр понял, что такой человек появился, лишь только из Украины воротился князь Василий Васильевич Голицын.

Придворной жизни он не был чужд: молодые годы свои провел близ Алексея Михайловича в званиях стольника, чашника, государева возницы и главного стольника. Сделавшись боярином, Голицын по особому приказу Тишайшего отправился в Украину, чтобы принять меры для охраны ее рубежей от набегов турок и татар. Он участвовал в Чигиринских походах, окончившихся неудачей для него как для полководца, и сумел верно разгадать главную беду русского войска: местничество. Местничество – это старинный обычай считаться заслугами предков и занимать должности исходя из них, а не по заслугам своим: чей отец либо дед занимал высшую должность, того потомок считал и себя выше родом и не подчинялся по службе тому, у кого предки занимали низшие места. Всяк воевал и сражался сообразно своей родовой спеси, ни больше ни меньше! Пережив горечь поражений, Голицын вернулся в Москву и приступил к молодому царю Федору с настоянием уничтожить местничество. Он был готов к сопротивлению бояр, ибо знал, как глубоко укоренены старинные обычаи, и немало удивился, когда хворый, вялый, слабовольный царь не оперся на мощные плечи родовитого боярства, а склонился на сторону князя с его непонятными и, очень может быть, опасными новациями. Но вскоре Голицын сообразил, что он этим всецело обязан царевне Софье.

Князь Василий Васильевич был красавец, влюбленный в свою красоту. Красоту эту он умел холить и лелеять даже в военных походах, и если не было воды напиться и умыться, то уж подбрить русую бородку, красиво обливавшую щеки, он не забывал, даже если бриться приходилось лезвием казацкой сабли. И в женщинах он превыше всего ценил красоту. Жена его, княгиня Евдокия, была хороша, словно белая лебедушка. Подобно многим мужчинам, князь Василий пребывал в приятном заблуждении, что глупость только прибавляет прелести женщине. Но вдруг оказалось, что его взяла в плен не столько красота спокойной павы, сколько острота женского ума, живость речи, насмешливый тон, спокойная мудрость и счастливое умение взглянуть на жизнь с разных сторон, подметить, что в ней есть плохого и хорошего, печаль-

ного и веселого, достойного презрения и уважения. Ему почудилось, что эта маленькая, кругленькая царевна не снизу вверх на него смотрит своими яркими, живыми глазами, а держит его на ладони, словно игрушку, поворачивает так и этак – и от ее взгляда ни за что не спрячешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.